

Виталий Лазаренко

В опубликованном недавно в „Литературной газете“ посмертном произведении В. Маяковского одно из действующих лиц—Виталий Лазаренко. В подписи под карикатурой „Вечерняя Москва“ называется трамвайного прыгуна горе-Лазаренко.

Имя Виталия Лазаренко стало почти нарицательным. Это большая честь, которую, так же как и высокое (особенно для циркача) звание заслуженного артиста, надо действительно заслужить. Виталия Лазаренко знают в Сибири, на Урале и на Украине. Когда в 1927 году организовывался первый передвижной дореволюционный цирк, — Лазаренко единственный из крупных артистов пошел на все лето работать в колхозы Поволжья. Он опускался в шахты, выступал в дни рождения Магнитостроя и выезжал в Дальневосточную армию. Его действительно знают во всех уголках Союза.

Сын донецкого шахтера, Виталий Лазаренко мальчиком был отдан в балаган. Это было почти 40 лет назад. Тогда еще существовали фургоны патриархальных передвижных цирков.

Глубокой осенью переправлялись на паромках, в степях подводя переваливались с боку на бок, поскрипывая под острым ветром. Сзади, увязая в липкой грязи, тащились артисты. Иногда осенняя ночь надвигалась внезапно, скачком, до жилья было далеко и в двух шагах ничего не видно. Тогда останавливались посреди степи, двое по очереди стерегли лошадь, а остальные забивались на подводах под кумач с барьера и портьеры и прижимались друг к другу, чтобы было теплее.

Артисты были универсальны: труппы состояли из одной семьи, и им приходилось, переодеваясь, выступать ежедневно по 7—8 раз при вздрагивающем свете коптящих керосиновых ламп. Это была суровая школа тяжелого, изнуряющего труда и полуголодного существования, потому что цирки были рассчитаны на бедноту, на рабочих окраинных заводов, на ярмарочных посетителей.

Здесь Лазаренко начал создавать свой жанр **политического шута** и прыгуна. Первые шутки его были традиционными многовековыми грубоватыми шутками клоунов, сопровождаемыми пинком в зад и оплеухой. Он, как согни балаганских рыжих, под довольный смех зрителей терял на манеже широкие штаны, заплетался в башмаках, по-

Виталий Лазаренко с сыном Виталием.

падал ногой в ведро с краской и рассеянно садился на корзину с сырыми яйцами. Но среди шуток его были и такие, которые можно было назвать политическими,—он смеялся над исправником или стражником (более высокого начальства он не видел), и рабочий зритель оживлялся и долго хлопал, прерывая номер.

Лазаренко начали высылать,—он становился политическим шутком.

В 1906 году, в дни черной реакции, он спрашивал:

— Что общего между золотыми часами и казаками?

И сам отвечал:

— Когда были погромы,—казаки стояли на часах, а когда погромы кончились,—часы очутились на казаках.

Он прыгал, смеялся и пел куплеты. В 1914 году он поставил мировой рекорд прыжка через трех слонов, и все же прыжки в его номере играли только подсобную роль.

По репертуару Виталия Лазаренко можно было бы изучить, что волновало страну за эти годы.

У Лазаренко трудный жанр. Так легко свести дело к театризованному докладу, к риторике.

Но зритель пришел не на заседание месткома. Цирк остается цирком.

У нас на эстраде и в цирке есть такой жанр. Выходят двое. Один—классовый враг или брюзга. Он злобно острит над достижениями, над новым бытом, эн-

тузиазмом масс. Второй в пышных стихах опровергает его, стыдит и с пафосом провозглашает мораль.

Первый смешит, а „хороший“ здесь часто только присяжный моралист,—и мораль его холодна и, в конечном счете, не достигает цели.

Смех сильнее риторики.

Лазаренко создал особый жанр. Он говорит о достижениях, а не о недостатках. Его смех бьет малочеловечья и оппортунистов. Он не зубоскалит. Он делает смешными врагов. Он смешит бичуя. Это труднее.

Вот почему, быть может, Виталий Лазаренко и создатель жанра, и единственный его представитель. В его смехе есть гордость.

Он не боится „трудных“ тем. В последней программе он говорил о метро. Старые цирковые номера он оживляет советской шуткой.

И, хотя Лазаренко уже отпраздновал 35-летие работы на манеже, он попрежнему прыгает через столько-то лошадей.

В этом году с Виталием Лазаренко выступает его сын—Виталий Лазаренко.

Молодой Лазаренко танцует, играет, жонглирует, крутит сальто и прыгает через 8 лошадей.

На манеже два Виталия Лазаренко.

Отец представляет сына. Отец отходит на время в сторону. Работает сын. Он еще молод, но у него блестящая техника прыжка, легкость. Потом отец и сын прыгают через лошадей.

В номер шута внесена какая-то трогательность. Номер можно было бы назвать „семья“. При свете прожекторов, на опилках манежа, чувствуется семья, большое внимание к детям. На манеже явный результат многолетней работы отца, великодушия школы, внимания к обучению.

Этого нельзя не заметить, и Лазаренко даже подчеркивает это композицией номера. Выступление становится злободневным номером о кадрах, о семье, о бережном воспитании и об уважении к старшему поколению.

И когда, как смешно размалеванные клоуны в комическом номере старого цирка, отец и сын в конце номера целуются,—это вызывает не смех, а чувство теплоты, и долгие аплодисменты покрывают последние слова отца и сына:

— Отцы и матери, любите вашу смену!

— Товарищи, цените стариков!

ИЗМАИЛ УРАЗОВ